

Ю.М. Гончаров

**Процессы адаптации евреев в сибирском социуме
во второй половине XIX – начале XX в.***

Yu.M. Goncharov

**Processes of the Adaptation of Jews in the Siberian Society
in the Second Half of the XIXth –
the Beginning of the XXth Centuries**

Рассмотрены процессы адаптации евреев в сибирском социуме во второй половине XIX – начале XX в. В это время сибирские евреи образовали достаточно специфическую общность, заметно отличаясь от соплеменников всех других территорий Российской империи. Специфические черты сибирских евреев сформировались под влиянием своеобразия сибирского пространства (как в географическом, так и в социальном смысле). Вместе с тем они оставались евреями, сохраняя свою этнокультурную самобытность, при этом сумели успешно интегрироваться в сибирское общество и адаптироваться к новым условиям, став одним из компонентов сибирского социума.

Ключевые слова: евреи, Сибирь, община, адаптация, аккультурация, ассимиляция.

Сложные национальные и этнокультурные проблемы наших дней заставляют все более внимательно относиться к историческому опыту межнациональных отношений. Особый интерес с этой точки зрения представляет история сибирских евреев – народа, обладавшего богатейшим опытом жизни в диаспоре, оказавшегося в районе фронта многонациональной империи.

Еврейские общины в исторической и географической перспективе весьма вариативны. Не является исключением и еврейское сообщество Сибири, которое имеет свою специфику. Это своеобразие определяется тем, что Сибирь, особенно за последние 400 лет, является регионом интенсивной колонизации и интенсивных этнокультурных контактов. Сибирь являлась и является особым регионом России, огромным по территории краем, с одной стороны, колонизируемой окраиной, местом ссылки и каторги – с другой. Русские сибиряки, которые для сибирских евреев являются «вещающей» нацией, сами пришлые здесь. Кроме того, мультикультурность самого большого

Article is devoted to researching processes of adaptation of Jews in the Siberian society in the second half of the XIXth – the beginning of the XXth centuries. In this time the Siberian Jews have formed rather specific community, considerably differing from fellow tribesmen of all other territories of the Russian Empire. Peculiar features of the Siberian Jews were generated under the influence of an originality of the Siberian space (both in geographical, and in social sense). At the same time they remained to be Jews, keeping the ethno-cultural originality. As a result Jews have managed to be integrated successfully into the Siberian society and to adapt for new conditions, becoming one of the components of the Siberian society.

Key words: Jews, Siberia, community, adaptation, acculturation, assimilation.

в мире историко-географического региона во многом определяла специфику межнациональных отношений и не могла не повлиять на идентичность проживающих здесь представителей различных национально-конфессиональных групп.

В последние годы несомненным является усиление интереса исследователей к истории еврейских общин отдельных городов и регионов, появление значительного числа публикаций на эту тему. Несмотря на большое количество работ по истории сибирских евреев, появившихся в последние годы [1], проблема адаптации евреев в сибирском обществе во второй половине XIX – начале XX в. специально не поднималась исследователями, хотя отдельные ее аспекты затрагивались в трудах В.В. Романовой, В.Ю. Рабиновича, Л.В. Кальминой, Н.Б. Галашовой и др.

Поставленная проблема достаточно сложна и, безусловно, требует глубокого специального исследования, которое должно базироваться прежде всего на источниках личного происхождения: мемуарах, дневниках, письмах, путевых заметках и т.п. По-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири, XIX – начало XXI вв.» (шифр 2009-1.1-301-072).

сколькx корпус таких документов не очень обширен, трудности исследователя только увеличиваются.

Довольно значительные компактно проживающие группы евреев в Зауралье появляются в начале XIX столетия (в Тобольске, Каинске, Омске, Томске, Иркутске, Нижнеудинске), и именно с этого момента можно говорить о еврейской диаспоре в Сибири. Подавляющее большинство евреев, несмотря на различные ограничительные меры, предпочитало жить в городах, сохранив присущую им тягу к городской жизни.

В первое время после водворения на отдаленной окраине главной задачей стало выживание, добыча средств к существованию, включение в местную экономику. Поэтому первые адаптационные практики евреев Сибири проявлялись в экономической сфере. Законодательные ограничения ряда занятий оставляли им в качестве создания материальной основы жизни прежде всего привычную для евреев нишу «торгового меньшинства» [2, с. 10].

Еще в 1840 г. обнаружилось, что большинство еврейских семейств, приписанных к Тобольскому округу, не желая жить в сельской местности, переехало в губернский центр, и «некоторая часть из них снискивают пропитание ремеслами и мастерствами, которым обучены были до водворения в Сибири, другие занимаются перекупкою вещей, факторством (т.е. посредничеством, оказанием мелких услуг. – Ю.Г.)...» (цит. по: [3, с. 11]).

В середине XIX в. многие современники отмечали торговую специализацию еврейского населения. Корреспондент Императорского Русского географического общества сообщал, что евреи в Сибири «занимаются торговлею и живут достаточно» [4, л. 12]. Другой современник писал: «Занятие евреев в Западной Сибири составляет преимущественно торговля» [5]. Как замечал историк А.Р. Ивонин о еврейских предпринимателях Сибири середины XIX в., «в это время они отчетливо заявили о себе как о формирующемся отряде сибирских предпринимателей, подготавливая почву для будущих экономических успехов второй половины XIX в.» [6, с. 11].

Там, где формировались крупные еврейские общины, их вклад в экономику был весьма значительным. В частности, на всем протяжении этого периода евреи играли ведущую роль в экономике Каинска (сейчас – г. Куйбышев Новосибирской области). По выражению историков, «особенностью коммерческой жизни Каинска было наличие в нем еврейской общины, сложившейся из переселенных с западной границы контрабандистов и их потомков». В их руках была сосредоточена практически вся мелочная торговля города. Весьма специфической была «торговля невестами»: несколько человек отправлялись в западные губернии, брали у своих земляков девочек-подростков и продавали их в Каинске [7, с. 129].

Современники так оценивали экономическую роль евреев в городах региона: «...всякому, хотя бы сколько-нибудь знакомому с сибирскими евреями, невольно бросается в глаза преобладающая роль последних в мелкой и средней торговле, мелком ремесле и извозе. В некоторых городах (как, например, в Ачинске) имеется даже особый тип мелких торговцев евреев, так называемых барахольщиков, занимающихся покупкой и продажей случайных вещей и вообще разного “хлама”. А этот промысел – далеко не из завидных. В других городах процент евреев, занятых извозом (большой частью «ломовики»), доходит до 15–20 и больше. Вы встречаете также сибирских евреев в списке владельцев мыловаренных, кожевенных, шорных и дробильных заводов, но и эти заведения – ничтожны по своей производительности» [8, с. 35].

Кроме торговли сибирские евреи активно занимались ремеслами, чему способствовала нехватка квалифицированных специалистов в отдаленном регионе. Так, середине 1860-х гг. в Каинске жили 122 ремесленника – все они были евреями, из них: 20 булочников, 15 мясников, 10 портных, 13 сапожников, 6 печников, 17 столяров, 12 кузнецов, 10 извозчиков, а также хлебники, кондитеры, шорники, медники, коновалы и часовщики. Общее их число вместе с семьями составляло 338 чел. [9, с. 23–24].

В 1890 г. томский полицмейстер писал, что в губернном центре насчитывается 171 семейство евреев-ремесленников, при этом только 19 из них приехали из Европейской России, а остальные – коренные жители Сибири и ссыльные. Не совсем последовательно он указывал, что «ссыльные и дети ссыльных, кои во вверенной мне губернии... проживают в значительном количестве, большинство из них, находясь в городе Томске, пополняют ряды... старьевщиков, мелких ростовщиков, являясь людьми, безусловно, вредными» (цит. по: [10, с. 173]).

В конце XIX в. именно торгово-промышленные занятия были основой экономической специализации сибирских евреев. По роду деятельности (данные переписи 1897 г.) 3792 чел., или 11% от проживающих в Сибири евреев, занимались торговлей. Кроме того, по материалам переписи, профессиональный состав общины включал: занятых в промышленности – 2810, сельском хозяйстве – 825, занимавшихся извозом – 585, работавших прислугой и поденщиками – 507, на государственной, общественной службе и свободных профессий – 322, неопределенных профессий – 713, в армии – 446 [11, с. 31]. В целом, как справедливо отмечает Н.Б. Галашова, «экономической нишей евреев в Сибири являлось ремесло, торговля (мелочная, галантерейная, колониальная, бакалейная и др.) и ростовщичество» [12, с. 95]. Евреи, составляя, например, всего 1,2% самостоятельного населения Каинского округа, наибольший вклад вносили именно в торговлю, где их доля насчитывала 34,8% от числа

всех занятых в отрасли [13] (подсчет наш. – Ю.Г.). По подсчетам В.Н. Шайдурова, в Тобольской губернии доля евреев (составлявших 0,17% населения) от общего числа занятых наиболее была заметна в таких отраслях, как обработка дерева (0,5%), питейные заведения (0,65%), частная юридическая служба (0,7%), ремонт и строительство (0,76%), обработка металлов (0,85%), учебная и воспитательная деятельность (0,85%), наука (2,2%), изготовление одежды (2,7%), торговля (4,7%) [14, с. 21].

Многие современники отмечали как роль сибирских евреев в межэтническом разделении труда, так и их место в сибирском социуме: «Из России приехало в земледельческую полосу много евреев. Они устраиваются в городах и на железнодорожных станциях, живя торговлей и ремеслами. Здесь евреи гораздо сильнее сливаются с населением: их обособленность от русских не так резко заметна, как в России; вероятно, это происходит оттого, что в Сибири на них не открывают гонений и притеснений» [15, с. 94].

Черты еврейского предпринимательства в Сибири были достаточно типичными для «торгового меньшинства», каковым они были практически в каждом принимающем их государстве [16, с. 141–146]. Характерным, в частности, было стремление найти свободную экономическую нишу, чтобы «вписаться» в экономическую структуру региона. При этом занятия евреев не должны были вступать в противоречие с существующим законодательством. В результате основным родом деятельности еврейского купечества стала торговля. Евреи быстро осваивали прежде всего не престижные для основного населения отрасли. В Сибири такими отраслями была виноторговля и, конечно же, ростовщичество. Для еврейского купечества также было характерно новаторство в торговле и промышленности. Стремясь найти свободную экономическую нишу, они часто осваивали новые сферы предпринимательства в регионе [17, с. 63–65].

Факторами, способствовавшими успешной предпринимательской деятельности евреев в Сибири, были: отсутствие жесткой конкуренции, характерной для губерний Европейской России, наличие относительно свободных ниш в экономике региона, отсталые формы предпринимательства, а также веротерпимость и в целом доброжелательное отношение к евреям со стороны местного населения.

Сибирь, с ее огромными неосвоенными ресурсами, слабо развитыми ремеслами и промышленностью, архаичными формами торговли, давала для евреев широкое поле деятельности. Здесь их традиционные адаптационные практики оказались востребованными. Современники отмечали положительное воздействие евреев на экономику региона. Так, интересные наблюдения о внедрении евреев в торгово-промышленную жизнь Сибири оставил С.В. Максимов: «Где зашевелились евреи, там мелочная торговля процветает: еврей

делается образцом и примером для неподвижного сибиряка-горожанина, которому есть чему у него поучиться. *Для Сибири еврей пригоден и полезен...* (курсив мой. – Ю.Г.). Евреи сплываются в ассоциации, чтобы ссылка не могла нарушить единство, и через живую непрерывную цепь из ловких евреев не обрывалась связь Нерчинска с Вержболовом, Радзивилловым и Лейпцигом» [18, с. 128].

Неудивительно, что после скученности, перенаселенности и нищеты районов черты оседлости Сибирь с ее огромными богатствами и необъятными территориями казалась евреям краем неограниченных возможностей. Как писал современник, «этот обширный край с недостаточным населением представлял... обширное поле труда и богатства... Евреи, поселившиеся в этом благодатном крае (как они его сами называли), скорее других пришельцев могли заметить эти избыточные богатства новой страны: переход из мест прежней постоянной их оседлости, – где они были тысячами скучены в грязных бедных местечках, – был слишком резок... Большая часть их... живет безбедно, ... т.н. «нищенствующей братии» вовсе нет... Поэтому сибирские евреи **«не уповали даже на вторичное переселение в землю обетованную»**» [5].

Обширные богатства малозаселенного региона давали возможность прокормиться всем. Потомки предприимчивых русских первопроходцев умели ценить предприимчивость и практичность евреев. Современник отмечал: «Сравнивая прежние края своего жительства с тем простором, дешевизною, доходящей до баснословности, беспечностью апатичных сибиряков, евреи не могли не радоваться и скоро усердно принялись за труд и торговлю. Неумолимая деятельность и свойственная им бережливость скоро обратили внимание на них соотечественников их – христиан, и приобрели им, таким образом, полное доверие... О враждебности христиан к еврейской торговле... не может быть и речи в здешнем крае. Здесь не обвиняли и не обвиняют в эксплуатации евреев... сближение евреев с христианским населением совершалось быстро, и без всякого труда и принуждения» [5].

Задача включения в местную экономическую жизнь в преобладающем иноэтничном окружении диктовала необходимость освоения языка, норм общения, стереотипов поведения, специфических для региона. В течение нескольких десятилетий это привело к тому, что для евреев Сибири достаточно заметными стали процессы аккультурации, что уже отмечали исследователи [19, с. 87; 20, с. 7–8].

Один из современников отмечал: «Относительно перевоспитания еврея в сибиряка замечено... Евреи в Сибири одеваются по-русски, женщины ничем не отличаются от сибирских мещанок. По костюму в среде местного населения они не представляют особой группы. Только физиономия обособляет их... поколение, народившееся в Сибири, не знает поль-

ского и довольно сильно в русском. Третье поколение забывает и еврейский язык и даже дома со своими непременно говорит по-русски... В четвертом, третьем поколении неопита все следы еврейства совершенно сглаживаются» [18, с. 128]. Процессы аккультурации, по наблюдениям современников, приводили и к распространению русских фамилий среди сибирских евреев [21, с. 46].

Сходная ситуация отмечалась и в начале XX столетия: «С течением времени типическая внешность бывшего еврея «черты» стирается мало по малу, и он, часто незаметно для себя, становится рабом окружающей среды – он подражает, внешним образом ассимилируется и начинает любить свою новую родину... Вообще, сибирские евреи относятся недружелюбно к «российским», смотрят на них свысока и считают их по нравственным качествам ниже себя стоящими» [8, с. 37–38]. Газеты этого времени писали: «еврей в Сибири ничем не отличается от сибиряка другой национальности ни по внешнему облику, ни по образу жизни, и даже в религиозной твердыни пробита заметная брешь» [22, с. 16]. Во многом эта ситуация объяснялась спецификой региона: «Сибирь, со своими крупными особенностями, с исключительными требованиями, умела превратить в сибиряков безразлично инородцев и иноземцев» [18, с. 363]. По свидетельству современников, еврей-сибиряк «обладал весьма ценной чертой – чувством человеческого достоинства и отсутствием высокомерия. Характер у него – мягкий и прямой. Он никогда не скрывал своей принадлежности к еврейской нации, никогда не унижался перед чиновником и также не допускал обиды со стороны последнего» [8, с. 39–40].

В целом в результате адаптационных процессов уже во второй половине XIX в. сибирские евреи, под влиянием местных условий, образовали достаточно специфическую общность. Сибирская община заметно отличалась по своему образу жизни, экономическому и социальному положению, культурно-психологическому типу от евреев не только черты оседлости, но и всех других регионов Российской империи.

Во второй половине XIX в. складывается также особый тип ментальности сибирских евреев. Исследователи отмечали их зажиточность, меньшую набожность, близость по образу жизни, характеру и привычкам к местному русскому населению, развитое чувство достоинства, свойственное сибирякам в целом [23, с. 24].

Место, которое евреи занимали в социальной системе региона, во многом определялось спецификой Сибири как района интенсивной колонизации. Сибирь издавна была перекрестком культур и народов. Сибиряки с самого первого времени поселения контактировали с иными народами, верованиями, культурными традициями. Это во многом определило толерантность

местного населения к «иным»: «...оставаясь православным, сибиряк индифферентен к вопросам веры вообще. Привыкнув издавна видеть в своей среде ссыльных сектантов разных толков, затем – евреев, магометан, лютеран, католиков, приглядываясь к жизни и верованиям своих близких соседей – буддистов и шаманистов, он выработал известную веротерпимость взглядов» (цит. по: [3, с. 22]).

Еврейское население не имело, как правило, в глазах сибиряков образа «чужака», порождающего враждебность, как это было в европейской части страны. В.Ю. Рабинович пишет: «Как и большинство сибиряков, они были либо преступниками, нарушившими закон, либо авантюристами и искателями приключений, либо хваткими, образованными и предприимчивыми коммерсантами. В психологическом портрете этих людей преобладали... деловая сметка, высокая социальная активность и мобильность, терпимость к инакомыслию, отсутствие раболепия перед властью, чинами и чиновниками, склонность к либеральным политическим течениям, яркий индивидуализм, странно сочетающийся с корпоративностью и коллективизмом... Важно, что в окружающем обществе преобладал тот же психологический тип. Евреи не выглядели ни бунтарями, ни «белыми воронами». Их качества, став обычными для края, не вызывали инстинктивного отторжения, характерного для западных губерний» [24, с. 117].

Антисемитских настроений, бытового антисемитизма в Сибири практически не наблюдалось, что также способствовало быстрой адаптации. Вплоть до начала XX в. отношения между еврейским и христианским населением были достаточно спокойными. Ю. Островский отмечал: «в торжественные праздники те и другие обмениваются визитами, часто «откупивают» друг у друга, дружат между собою. Лишь за последние годы, с усилением реакции и, главным образом, под давлением сверху, добрые отношения между русским и еврейским населением несколько нарушились» [8, с. 46].

В то же время со стороны чиновников, в большинстве своем выходцев из европейской части страны, отношение к евреям было часто негативным. Резкий рост еврейского населения вызывал неприязнь у сибирской администрации. Чиновники, прибывавшие из центра страны, несли с собой иную ментальность, характерными чертами которой были нетерпимость и антисемитизм. Поэтому представителей властных структур всех уровней отличала, как правило, достаточно жесткая антиеврейская позиция. Вот как писал один из таких чиновников в своих мемуарах: «...попадают часто жида. Их в Тобольске много. Они промышляют здесь ростовщичеством, наживаясь за счет мелкого чиновничества, находящегося в поголовной зависимости от своих иерусалимских благодетелей» [25, с. 37].

В официальном издании – «Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 г.» говорилось о евреях: «Не занимаясь ни хлебопашеством, ни скотоводством и избрав для себя одну только отрасль промышленности – тайную безпатентную торговлю вином, они служат тяжелым бременем для местного населения, эксплуатируя его на все возможные манеры. Ростовщичество и сбыт краденых вещей – самые излюбленные занятия евреев, и этим объясняется тот факт, что они через год, через два по прибытии путем ссылки в Сибирь из нищих делаются людьми весьма достаточными и, обзаведясь порядочными домами, шеголяют и дорогими костюмами, и разного рода драгоценностями. Изошрив себя в искусстве прятать концы в воду, Израиль весьма редко попадает в преступления уголовного свойства, но и облеченный в них, он разными изворотами и пронырством избегает большею частью кары закона» [26, с. 51–52].

В то же время для средних и низших слоев населения, особенно для местных уроженцев, было свойственно очень терпимое отношение к евреям. В Сибири никогда не было еврейских погромов. Не знали сибирские евреи того грубого бытового антисемитизма, от которого страдали их европейские единовверцы. Русские купцы в Сибири очень часто были компаньонами и контрагентами евреев, подтверждая известную истину, что капитал интернационален. Ю. Островский высказал достаточно распространенную для начала XX в. точку зрения: «Еврейского вопроса – в обыденном смысле – нет в Сибири и быть не может» [8, с. 18].

Во многом в силу этого не очень популярными среди сибирских евреев были и идеи сионизма. В 1912 г. в Томске возник кружок социалистов-сионистов, полиция отмечала влияние Бунда среди еврейской молодежи. В целом же влияние сионистских идей было слабым [10, с. 173]. Усиливается оно только в годы Первой мировой войны под влиянием прибывавших в Сибирь беженцев.

Успешность адаптационных экономических практик сибирских евреев, обусловленная их востребованностью в слаборазвитом регионе и традициями толерантности местного населения, на определенном этапе привели к тому, что кроме стремления выжить и обосноваться прибавляется потребность национального самосохранения [27, с. 8]. Важнейшим стимулом объединения евреев служила религия, способствовавшая укреплению национального самосознания и сохранению национальной самобытности. Л.В. Кальмина отмечает: «Рано или поздно диаспоры были обречены, *даже в ущерб модернизации, выразившейся в ряде случаев в интеграции в русскоязычное православное общество* (курсив мой. – Ю.Г.), сделать поворот к традиции. Это естественный и закономерный этап их развития, когда появление общины-анклава, носителя определенных национальных

и культурных традиций, становится инструментарием взаимодействия личности с окружающей средой» [19, с. 89]. Это реализовалось во все более активных попытках сибирских евреев в начале XX в. наладить общественную и религиозную жизнь, о чем свидетельствует резкое увеличение потока прошений об открытии молитвенных учреждений [28, с. 58–76; 29, с. 208–211]. Так проявлялось стремление к сохранению этнической и конфессиональной идентичности, а религиозная жизнь в данном случае являлась формой национальной самоорганизации еврейских общин.

Необходимость адаптироваться в принимаемом обществе повлекла за собой и то, что евреи с течением времени все в большей степени вовлекаются и в общественную жизнь сибирских городов. Так, несмотря на то, что бизнес и большая семья М.Я. Мариупольского оставляли ему мало времени для общественной работы, он избирался гласным Омской городской думы, членом Омского отдела Московского общества сельского хозяйства. Накануне Первой мировой войны Мариупольский избирался омским купечеством представителем в канцелярию податного инспектора, состоял попечителем Гоголевского мужского училища [30, с. 18–19].

Принимали участие в общественной жизни своего города и евреи уездного Мариинска. Часто они занимали различные выборные должности. Например, в 1873 г. депутатом по квартирному налогу был избран Рувим Буткевич, а в комиссию по оценке недвижимых имуществ – Гавриил Григорьевич Юдалевич [31, л. 10, 12]. Исай Абрамович Юдалевич долгие годы был директором мариинского отделения попечительного о тюрьмах комитета [32]. На городских выборах 1883 г. из числа имевших право голоса 29,7% составляли евреи, преимущественно купцы [33]. Даже после введения значительного имущественного ценза по городскому положению 1892 г. среди избирателей Мариинска оставалось немало евреев: Прейсман, Парашинцер, Гурьевич, Юдалевич и др. [34].

Не чуждо было еврейское население и благотворительности. В Томске, например, еврейское благотворительное общество было образовано еще в 1885 г. Задачами общества была забота обо всех неимущих, престарелых и их детях [35]. Благотворительные вечера, лотереи, спектакли были обычным явлением в жизни сибирских евреев [36]. Еврейская община Томска содержала богадельню, в 1887 г. в ней призрелись трое мужчин и две женщины, на обеспечение которых было израсходовано 400 руб. [37, с. 105].

Особой статьей благотворительных расходов членов общины были пожертвования на религиозные и национально-просветительские цели.

Участие евреев в общественной жизни региона, особенно заметное в начале XX в., фактически являлось одним из направлений адаптационных практик, способствовавших интеграции, тем более, что оно про-

являлось в большинстве случаев в формах, характерных для принимающего социума. С другой стороны, в случае с сибирскими евреями такая общественная активность давала возможность поддерживать членов общины, способствовала укреплению внутриобщинных связей и сохранению идентичности.

Характерным моментом, на который стоит обратить внимание, является то, что в силу разного времени водворения, срока проживания в регионе, обстоятельств переселения, социального и имущественного положения евреи Сибири в значительной степени различались по уровню адаптации и интеграции. Более того, различные группы евреев (евреи-«старожилы», кантонисты, уголовные и политический ссыльные) адаптировались к местным условиям в разной степени и «на разных скоростях», что могло приводить к расслоению общин и взаимонепониманию различных групп евреев.

Так, например, И. Белов (офицер, служивший в Омске) уже в середине XIX в. отмечал: «Евреи сибирские поселенцы, во многом отличаются от своих западнорусских собратьев: женщины их наряжаются как местные мещанки, мужчины же, подобно прочим разночинцам, носят кафтаны. Мне случалось с сказанными евреями вступать в разговор и припоминать им одноплеменников, обитателей Западной России, но они, по-видимому, презирают последних, называя их капсанами» [38, с. 21]. Известен также случай, когда томские евреи-старожилы не допускали солдат-кантонистов к исполнению некоторых религиозных обрядов в синагоге, что в итоге привело к созданию Томской солдатской молитвенной школы [12, с. 157].

Тем не менее в результате адаптационных процессов, протекавших в среде сибирских евреев в специфических условиях региона, произошло формирование особой группы сибирских евреев, значительно отличавшихся от их соплеменников из других частей империи. При этом, на наш взгляд, можно говорить о том, что евреям дореволюционной Сибири удалось успешно адаптироваться к условиям регионального социума, сохранив при этом национально-конфессиональную идентичность. Как пишет Л.В. Кальмина, «формировавшееся при отсутствии устоявшейся культурной среды и традиционных институтов, консервирующих национальную жизнь, сибирское еврейское общество показало пример практически безболезненной инкор-

порации евреев в сибирскую субкультуру. Без особых усилий самодержавия по русификации еврейской массы, без целенаправленной политики по включению еврея в российскую жизнь, царское правительство получило столь желаемый “продукт” – почти русского гражданина, ничем не отличающегося ни по говору, ни по одежде, ни по характеру и привычкам, ни по образу жизни и мыслей» [19, с. 87].

Характеризуя процессы интеграции евреев в сибирское общество, иркутский историк В.Ю. Рабинович делает вывод о том, что «попадая в новое окружение, выходцы из черты приобретали некие новые внутренние качества, которые еще более усиливались в следующих поколениях. Таким образом, появились новые этнокультурные “генерации” еврейской диаспоры в России. Сибирские евреи иначе одевались, говорили, думали, нежели их соплеменники в черте. Региональные колонии по-иному были связаны с этническим большинством и властными структурами. Члены их демонстрировали новые поведенческие стереотипы, тяготели к иным ценностным приоритетам, гораздо сильнее были подвержены процессам ассимиляции и аккультурации. Вместе с тем они оставались евреями, сохраняли основные этнические черты, традиции, чтити религиозные нормы, охраняя свою этнокультурную самобытность» [39, с. 24].

Ю. Островский писал об этом в начале XX в.: «Такая незначительная группа евреев, разбросанная на огромной территории... среди многомиллионного русского и инородческого населения, не могла, конечно, не поддаться влиянию окружающей среды, и, естественно, она переняла у нее немало местных обычаев и нравов... Но, теряя постепенно свои прежние черты, евреи в Сибири все же строго придерживались религиозных традиций и верований своих отцов. Таким образом, с течением времени и под влиянием местных условий образовалась в Сибири своеобразная группа евреев, с совершенно иным укладом жизни, чем у их братьев в Европейской России, создался особый тип евреев – сибирских евреев» [8, с. 7].

В целом, в конце XIX – начале XX в. евреи сумели успешно интегрироваться в сибирское общество и адаптироваться к новым условиям, став одним из компонентов сибирского социума, сохранив при этом свою национально-конфессиональную идентичность и сумев не перейти грань между аккультурацией и ассимиляцией.

Библиографический список

1. Кальмина Л.В., Курас Л.В., Немчинова Т.А. Евреи Сибири и Дальнего Востока : библиографический указатель литературы на русском языке. – Красноярск, 2004.
2. Дятлов В.И. Евреи: диаспора и «торговый народ» // Сибирский еврейский сборник. – №2. – Иркутск, 1996.

3. Ключева В.П. Евреи в Западной Сибири : политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII – начало XX в.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...». Из истории еврейской общины в Тюмени. – Тюмень, 2004.

4. Архив Русского географического общества. – Раз. 59. – Оп. 1. – Д. 15.
5. Гудович. Быт евреев в Сибири // Вестник русских евреев. – 1871. – №30.
6. Ивонин А.Р. Евреи-предприниматели Западной Сибири в дореформенный период // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность : материалы 5-й регион. науч.-практ. конф. – Красноярск, 2004.
7. Ивонин А.Р., Резун Д.Я. Каинск // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. – Новосибирск, 1995. – Т. 2. – Кн. 1.
8. Островский Ю. Сибирские евреи. – СПб., 1911.
9. Бурматов А.А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округа. – Новосибирск, 1997.
10. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения XIX – начала XX в. – Томск, 2004.
11. Турецкий Г.Б. Евреи в Сибири // Культура и образование национальных меньшинств в Сибири. – Новосибирск, 1997.
12. Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. – Красноярск, 2006.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. 79: Томская губерния. – СПб., 1904.
14. Шайдуров В.Н. Еврейская община Западной Сибири по материалам Всеобщей переписи населения 1897 г. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность : материалы 6-й регион. науч.-практ. конф. – Красноярск ; Барнаул, 2005.
15. Петров М. Западная Сибирь: губернии Тобольская и Томская. – М., 1908.
16. Рабинович В.Ю. О некоторых чертах предпринимательских меньшинств // Материалы VII ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. – М., 2000.
17. Гончаров Ю.М. Экономическая специализация евреев Западной Сибири в XIX – начале XX в. // «Свои» и «чужие»: национально-культурные аспекты сибирского предпринимательства (XIX – начало XX в.). – Омск, 2009.
18. Максимов С.В. Сибирь и каторга. – Ч. 1: Несчастные. – СПб., 1871.
19. Кальмина Л.В. Диаспоры в Сибири: закономерности и особенности интеграции (середина XIX – начало XX в.) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. – Новосибирск, 2008.
20. Гончаров Ю.М. Аккультурация евреев в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Вып. 6. – Барнаул, 2005.
21. Тихонов Т.И. Еврейский вопрос в России и Сибири. – СПб., 1906.
22. Моравский В. Сибирские евреи и конституция // Сибирские вопросы. – 1909. – №35.
23. Романова В.В. Государственная политика в отношении еврейского населения Дальнего Востока России в 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2001.
24. Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. – Красноярск, 2002.
25. Павлов А. 3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки. – Тюмень, 1878.
26. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. – Тобольск, 1884.
27. Кальмина Л.В. Евреи Восточной Сибири: «духовная территория» (середина XIX в. – 1917 г.). – Красноярск, 2002.
28. Мучник Ю.М. Религиозная жизнь сибирских евреев в XIX столетии (по материалам Томской губернии) // Диаспоры. – 1999. – №1.
29. Гончаров Ю.М. Религиозная жизнь евреев Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Сибирь на перекрестке мировых религий : материалы третьей межрег. конф. – Новосибирск, 2006.
30. Кисилев А.Г. Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов). – Омск, 1995.
31. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 185.
32. ГАКО. – Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 140.
33. ГАКО. – Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 85.
34. Государственный архив Томской области. – Ф. 48. – Оп. 1. – Д. 46.
35. Сибирский вестник. – 1885. – 6 июня.
36. Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии: Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919. – Томск, 1999.
37. Адрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем. – Томск, 1890.
38. Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. – М., 1852.
39. Рабинович В.Ю. Евреи и иркутское общество (конец XIX – начало XX в.) // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. – М., 1999.